

Ф.В. Ливанов

Раскольники и острожники

Очерки и рассказы. Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Ф11

Ф11 **Ф.В. Ливанов**
Раскольники и острожники: Очерки и рассказы. Том 2 / Ф.В. Ливанов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 830 с.

ISBN 978-5-518-06727-1

ISBN 978-5-518-06727-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Выпуская второй томъ своихъ изданій подъ заглавіемъ «Раскольники и Острожники», мы должны сказать, что въ этомъ томѣ заканчиваемъ «исторію Молоканъ и Духоборцевъ» въ XVIII вѣкѣ. Въ послѣдующихъ томахъ начнется разработка сихъ сектъ съ царствованія Императора Александра I. Можемъ сказать безъ преувеличенія, что въ изданныхъ нами двухъ томахъ «Раскол. и Острож.» въ первый разъ является въ Россіи и за-границею разработка извѣстныхъ довелъ только по слуху сектъ Молоканской и Духоборческой, и разработка по документальнымъ источникамъ, слѣдовательно, неопровержимымъ... Мы коротко знаемъ, что изданныя нами книги, по своимъ источникамъ и разработкѣ оныхъ, послужатъ краеугольнымъ камнемъ веѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій сихъ любопытныхъ сектъ, и книги наши проживутъ, какъ и официальный VIII томъ о раскольникахъ Н. Варадинова, столѣтія; потому не намъ обращать серьезное вниманіе на жалкія завыванія малограмотныхъ фельетонистовъ и бездарныхъ рецензентовъ—неучей, неспособныхъ отличить даже Поповца отъ Безпоповца и имѣвшихъ дерзость кричать безъ смысла и чести на наши книги въ пользу темнаго раскола и, можетъ быть, въ угоду золотымъ мѣшкамъ раскольничьимъ.... Мы душевно благодарны тѣмъ дѣйствительнымъ знатокамъ раскола и сектъ русскихъ, въ числѣ коихъ многимъ профессорамъ, почтившимъ насъ печатнымъ разборомъ и привѣтственными письмами, которые съ умомъ, знаніемъ и добросовѣтностію отнеслись къ нашимъ изданіямъ. Многими изъ ихъ замѣчаній мы воспользовались съ благодарностію и впредь воспользуемся съ оногою. Мы цѣнимъ также лестные, письменные къ намъ обращенные отзывы о нашихъ трудахъ Епархіальныхъ Епископовъ, Ректоровъ Семинарій и Губернаторовъ, запасшихся значительнымъ количествомъ нашихъ книгъ для подѣдомственныхъ ихъ управленію лицъ. Мы больше всего опасаемся нареканій отъ православнаго духовенства за «Молоканъ и Духоборцевъ» и, къ чести онаго сказать, никто не привѣтствовалъ наши труды иначе, какъ съ благодарностію. «Ваши книги, писало, напр., намъ одно изъ просвѣщенныхъ духовныхъ лицъ, пѣвѣнное своими учеными, но сектантскимъ дѣламъ, трудами, — доставляютъ намъ истинное удовольствіе; онѣ важны не для насъ только, но и для веѣхъ русскихъ людей, проникнутыхъ сочувствіемъ къ родному просвѣщенію. Онѣ вносятъ новый свѣтъ въ наши взгляды и за нихъ Вы получаете много благодарностей отъ Россіи.» Наконецъ сами бывшіе раскольники въ журналѣ «Истина», въ 10 книжкѣ за 1869 годъ, отзывались съ большою похвалою о нашемъ изданіи и искренно благодарятъ за безбоязненное раскрытіе правды во всей ея наготѣ... Вотъ этотъ честный голосъ самихъ раскольниковъ для насъ дорогъ!.. Онъ доказываетъ ясно, что честныя души способны прямо взглянуть правдѣ въ лицо, не обижаясь ея суровостію... Только неголяи, торгаша расколомъ, екончествомъ и т. п. могутъ, какъ кроты, не могущіе сносить свѣта солнечнаго, рыть противъ насъ подземныя ми-

ны... съ помощію пролажныхъ писакъ литературныхъ... И такъ лю-
 дягъ умныхъ, дѣйствительныхъ знатокамъ раскола, публикѣ, способ-
 ной цѣнить правду, лицамъ высшей администраціи въ Россіи и, на-
 конецъ, самимъ бывшимъ раскольникамъ мы понравились. Кому же мы
 не понравились? Не понравились однимъ неучамъ и тупой бездарности
 литературной, да коноводамъ раскола, конузъ мы дѣйствительно бьемъ
 по самому чувствительному мѣсту: по карманамъ... Мы отвлекаемъ
 отъ нихъ массу народную, изъ которой они высасываютъ кровь... и
 которую топять въ тинѣ невѣжества и тьмѣ кромѣшной... снимаемъ
 съ пьедесталовъ жалкіе кумиры, на которые, въ слѣпотѣ своей, масса
 молилась... Литературные неучи накидываются на насъ за то, что мы
 взгляды господствовавшіе доелѣ въ литературѣ, назвали дикими и кру-
 то повернули съ «раскольничьимъ вопросомъ». Мы смѣялись надъ тѣми
 невѣжественными писакми, которые, или по скудоумію и блаженному
 невѣдѣнію, или же за бутылку шампанскаго и обѣдъ въ трактирѣ Палки-
 на и Митяева писали, что расколъ есть сила... надежда Россіи.. ве-
 ликое будущее въ государствѣ... Расколъ былъ дѣйствительно сила,
 хотя и темная, но теперь онъ **дойная корова** миліонеровъ плутовъ и
 ловкихъ безразветренныхъ пройдохъ, вояжируетъ вмѣстѣ то поденщины на
 рынкѣ за артирейскія митры... Краснорѣчивѣ всего наши слова пол-
 тверждаютъ постоянные въ послѣднее время переходы лучшихъ людей
 изъ раскола въ единовѣріе и православіе, некрена признающихся нынѣ,
 что не поддерживавшій литература безъ толку и смысла ихъ невѣже-
 ства прежде, они давнымъ бы давно оставили свои мрачныя заблуж-
 денія... были бы давно, быть можетъ, профессорами въ университе-
 тахъ, двигателями науки, представителями администрацій, жрецами
 искусствъ... А теперь они представители лишь тьмы и болше книгъ
 кожаныхъ ничего не знаютъ! Но прежней литературѣ нашей расколъ
 былъ нуженъ какъ «бѣшалка», на которую всякій, въ порывѣ либера-
 лизма, наѣзничавалъ что хотѣлъ и что ему было нужно. Теперь же вре-
 мена грошovýchъ либераловъ прошли: нынѣ могутъ быть слышаемы
 только либералы умные, знающіе, сильные здравымъ смысломъ и со-
 лидностью своихъ возрѣній. Потому намъ по петнѣ жалки тѣ лите-
 ратурныя тараканы, которые, забравшись въ щели на печку, вообра-
 жаютъ, что они то и есть важныя субъекты въ домѣ... Ну что мы мо-
 жемъ, напр., сказать о наглomъ разборѣ нашихъ изданій въ № 1 за 1869 г.
 младенчествующаго и вродствующаго журнальца «Дѣло», издаваемого
 на потѣху гимназистамъ (съ полетавнымъ (?) редакторомъ, какимъ-то
 Н. Шульгинымъ) вѣкинмъ Гр. Евл. Благосвѣтловымъ, прославившимся
 сначала спаньемъ въ передней графской на лакейскихъ шубахъ, по-
 томъ битьемъ по зубамъ своихъ наборщиковъ, отрпаніемъ семьи и
 всего святаго... и, наконецъ, смѣніемъ въ «крѣпкихъ мѣстахъ» за свои
 невыносимыя тупость и глупость?.. Этотъ вродствующій журналецъ,
 печатающійся, по меткому выраженію серьезныхъ и умныхъ людей,
 для младенцевъ, замѣчательнѣе и тѣмъ еще, что въ послѣднее время на-
 полнялся самыми дерзкими и бессмысленными критиками выгнаннаго
 изъ С.-Петербургскаго Университета недоучившагося юноши Ткачова,
 псевдтнаго подъ именемъ «младенца Петиньки». Встрѣчали мы сего ма-
 лограмотнаго «вьюношу» въ нѣкоторыхъ домахъ С.-Петербурга, имѣли
 случай узнать все его скудоуміе, видали какъ его таскали съ конвой-

выми въ Сенатъ, гдѣ онъ судился за студенческія безсмысленныя пакости... но никогда не могли предположить, чтобы этотъ недоросль, не нюхавшій даже науки въ жизни своей, изъ праздношатающагося могъ вдругъ сдѣлаться „всероссійскимъ критикомъ.“ Впрочемъ, онъ наследовалъ въ «Дѣлѣ» мѣсто малоумныхъ критиковъ В. Зайцева и Н. Соколова, которые какъ все-россійскіе смѣхотворцы... публикѣ русской хорошо извѣстны... Дивились мы не разъ той дерзости, съ которою этотъ недоросль Ткачовъ, вмѣсто того, чтобы посидѣть годика четыре за учебною партою, осмѣливался дерзко позорить въ своихъ quasi критикахъ самыхъ почтенныхъ дѣятелей науки и вполне образованныхъ и знающихъ людей. Правда, невѣжество всегда дерзко и заносчиво, но обидно за русскую литературу, въ которой на позоръ Россіи и на смѣхъ Европы... буйствуютъ безнапашно какіе нибудь «Петиньки Ткачовы». Видали ли вы, жалкій младенецъ Ткачовъ, хотя одного раскольникъ въ глаза, прочли ли хоть одну раскольникую книжку, можете ли отличить хоть Федосѣвца отъ Поморца? Мы увѣрены, что нѣтъ, а между тѣмъ вы брались разбирать наши книги, для которыхъ прочитана не одна сотня ученыхъ сочиненій, просмотрѣна не одна тысяча правительственныхыхъ дѣлъ, извѣжено три части Россіи и слушался полный курсъ самыхъ высшихъ наукъ о всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, не только что о раскольникахъ русскихъ. Не имѣя понятія о химіи, вы можете, разбирая книгу, написанную химикомъ, только обругать её, но не цѣнить; разбирая сочиненіе о вѣроисповѣданіяхъ, вы можете его только безсмысленно облаять, но не критиковать съ умомъ, честію и знаніемъ. Въ отношеніи моихъ изданій вы сдѣлали первое, но никогда не можете сдѣлать послѣдняго. Мы стыдимся за печатное русское слово, которымъ такъ святотатственно злоупотребляютъ недоучившіеся «выюноши», имъ же мѣсто на скамейкахъ школьныхъ, а не въ литературѣ, въ качествѣ „всероссійскихъ критиковъ.“ Вичъ, сплетенный изъ дерзкихъ словъ, которыми вы заканчиваете, г. Ткачовъ, въ юродствующемъ журнальцѣ вашу жалкую рецензію на мои книги, позвольте обратить на вашу ошибку и вразумительно напомнимъ вамъ, что для того, чтобы быть ученымъ, недостаточно понюхать только на заднемъ дворѣ Университета науку; чтобы быть писателемъ, недостаточно одного умѣнья писать по линейкамъ; чтобы быть критикомъ, недостаточно поклоняться по толкучему рынку литературы. Я могу въ своихъ выводахъ о расколѣ и сектахъ ошибаться, но не вамъ указывать эти ошибки! Ихъ могутъ указывать намъ лишь люди, болѣе насъ изучившіе дѣло раскола и сектъ, вы же, при вашемъ младенческомъ образованіи, умрете карликомъ въ наукѣ и жалкимъ запечнымъ тараканомъ въ критикѣ... Впрочемъ, за ваше малоуміе и дерзости (прокламаціи) вы получили уже себѣ мѣсто въ «Петропавловской крѣпости», и потому мы надѣемся, что въ литературѣ, какъ съ «выкидышемъ литературнымъ», мы болѣе не встрѣтимся съ вами уже никогда.

Другой субъектъ, возвышающій среди другихъ съ особенною дерзостію противъ насъ голосъ,—это бывший эмигрантъ Вас. Ив. Кальсѣвъ. Недоросль по образованію, выгнанный изъ низшихъ классовъ даже такого заведенія, какъ «комерческое училище», неучъ-купчикъ, явившійся съ выкраденными въ Министерствѣ Внутр. Дѣлъ раскольникими документами въ Лондонѣ, издавалъ ихъ съ такими глупыми и пошлыми

ми предисловіями, что, читая ихъ, мы не сомнѣвались, что этотъ В. Кельсіевъ сумасшедшій... и ему серьезно слѣдуетъ посоветоваться съ докторами... Говоря о лицахъ, съ умомъ и знаніемъ солидно разработывавшихъ расколъ по источникамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, сей либеральствующій неучъ, напр., кричитъ (на стр. XXXIX 1 тома Лондон. Сборн.): «Счастливы, кто во время покаялся и искупилъ прежніе грѣхи; страшный судъ общественнаго мнѣнія (вотъ страсти то!) строго накажетъ администраторовъ (разумѣй: несогласныхъ съ неучемъ-купчикомъ!), руководящихъ высшими правительственными соображеніями... Наслонявшись досыта за границею и увидѣвъ, что тамъ лицамъ, не получившимъ никакого образованія, придется умереть съ голоду, купчикъ-неучъ счелъ за лучшее возвратиться въ Россію и начать печатать въ разныхъ журналахъ и газетахъ, что ему предлагали недавно тронъ султана турецкаго, то какого-то паши турецкаго, то атамана Некрасовекаго, то бога скопческаго и хлыстовекаго... Тутъ ужъ мы окончательно увѣрились, что В. Кельсіевъ на пути къ «желтому дому». На дняхъ вдругъ читаемъ въ газетахъ, что В. Кельсіевъ сошелъ съ ума.. и находится въ Петербургѣ въ домѣ умалишенныхъ... и послѣдуетъ ли его выздоровленіе — неизвѣстно. Ну, съ формально объявленными сумасшедшими толковать ужъ, конечно, нельзя, потому мы и оканчиваемъ свои разсужденія съ симъ «скопческимъ богомъ» и «турецкимъ Султаномъ», жалѣя о редакціи журнала „Заря“, на страницахъ коей, въ № 6 за 1869 г., красуется безмысленный разборъ нашихъ изданій, написанный сумасшедшимъ... Разборъ этотъ, какъ намъ коротко извѣстно, представленъ былъ В. Кельсіевымъ сначала въ редакцію „Русскаго Вѣстника“, но редакція чрезъ недѣлю же строки сумасшедшаго выбросила вонъ изъ своего портфеля и сдала его маранье по адресу. Тогда началось бѣганье В. Кельсіева съ своею критикою на „Расколъ и Острожн.“ по разнымъ редакціямъ (сумасшедшіе вѣдь упорны!), начиная съ толстыхъ журналовъ и кончая чуть не «Полицейскими Вѣдомостями». Вездѣ отказъ! Нашлась одна «Заря», издающаяся въ желтыхъ крышечкахъ и В. Кельсіевъ сначала помѣстился въ этомъ желтомъ домѣ литературы... а потомъ уже по порядку недавно перешолъ и въ другой желтый домъ...

За В. Кельсіевымъ разбѣгаетъ противъ насъ ротъ во всю ширину нѣкто «Незнакомецъ» въ газетѣ, издающейся по ошибкѣ вмѣсто колбаенаго заведенія, нѣкимъ Коршемъ, и называющейся «Петербуржскими Академическими (какая жалкая насмѣшка надъ русскою ученою Академіею!) Вѣдомостями». Какихъ только пакостей, за которыя обыкновенно расчитываются въ Окружномъ Судѣ, мы не читали противъ насъ въ этой „духминистерской сгряпнѣ“ арендатора! Наши изданія вдругъ названы, напр. «доносомъ». Какое? И такъ «Окраины Россіи» Ю. Самарина есть тоже доносъ, статьи ученаго Н. Костомарова о Польшѣ тоже доносъ. Виленскія изданія о польскомъ мятежѣ, съ перечнемъ всѣхъ дѣйствующихъ въ рюкнѣ лицъ, тоже доносъ? Словомъ: всякая основанная на неопровержимыхъ данныхъ публицистическая книга, **раскрывающая общественное зло**, а не толкующая о пѣніи соловьевъ, театрѣ и погодѣ, есть доносъ! Вотъ такъ логика! Сему «Незнакомцу», т. е. какъ давно уже обнаружено въ литературѣ, г. Суворину (онъ же защитникъ скопцовъ), бывшему малограмотному учителю ма-

лограмотныхъ мальчишекъ въ глухомъ городишкѣ какой-то глухой губерціи, потомъ служившему по найму чуть не наборщикомъ у А. Красвскаго, а нынѣ, à la «Петинька Ткачовъ», съ незлыханною дерзостию возведшему себя въ «литературной колбасной» нѣмца Корша въ „всероссійскіе критики“, мы совѣтовали бы начать означиваться холодною водою, чтобы не дойти до участи В. Кельсёва... Признаки сумасшествія оказываются въ немъ серьезные. На столѣ у насъ «литературная колбасная» Корша, т. е. «Петербургскія Вѣдомости», въ коихъ мы прочли самыя гнусныя, самыя омерзительныя и дерзкія выходки «Незнакомца» противъ М. Н. Каткова, умъ, значеніе и заслуги для Россіи котораго знаетъ вся Европа... и высокія достоинства котораго цѣнить вся Россія. И вдругъ бывший чуть не наборщикъ А. Красвскаго „Незнакомецъ“, не стоящій, разумеется, подметки сапогъ Каткова, позорить самымъ безшабашнымъ образомъ помѣняго... Не миновать вамъ, г. «Незнакомецъ», à la В. Кельсёвъ, желтаго дома!

Говорить ли далѣе о безмысленной выходкѣ противъ насъ нѣкоего Н. М. Соколовскаго въ «Литературной Колбасной» Корша, почтившаго самымъ дерзкимъ и самымъ безмысленнымъ разборомъ наши изданія? Знаемъ мы лично давно и сего неуча, спущеннаго правительствомъ со всѣхъ мѣсть, гдѣ онъ не служилъ, за грошовый либерализмъ... и покончившаго нынѣ ничѣмъ... Говорить ли о гнусныхъ вылазкахъ противъ насъ разныхъ Д. Минаевыхъ и тѣхъ героевъ петербургскихъ, которые 365 разъ въ году бываютъ пьяны... т. е. иначе сказать, никогда не имѣютъ мозга своего въ порядкѣ,—разныхъ идиотовъ П. Акиловыхъ, битыхъ недавно публично въ физиономію г. Щепотьевымъ за печатныя мерзости и подвизающихся противъ насъ въ «Развлеченіи» у невѣжественнаго редактора нѣмца (опять нѣмца! Миллера,—о канцелярскомъ служителѣ А. Лукинѣ, служащемъ по части наборщика въ смрадной сѣренькой газеткѣ «Русскія Вѣдомости» и безмозглаго корреспондента «Искры» и о другихъ имъ подобныхъ tutti quanti. Вся эта пестрая плеяда жалкихъ воевателей противъ насъ, какъ очевидно для всякаго, состоитъ или изъ сумасшедшихъ, отправленныхъ уже въ желтый домъ... или изъ находящихся на пути въ это мѣсто... или изъ идиотовъ и наборщиковъ для нашихъ изданій ужь никакъ не опасныхъ. По выпускѣ настоящаго 2 тома, мы должны будемъ приступить къ третьему изданію 1 тома, стало быть дѣло говорить само за себя... и всѣ неучи, съобщающіе лбами въ наши изданія, разобьютъ только эти лбы объ нихъ, — какъ о крѣпкій камень. Совѣтуемъ имъ успокоиться для ихъ же собственнаго блага! Мы знаемъ **что и какъ** **пашемъ для Россіи**, пребываемъ въ полной увѣренности въ полезности своей общественной дѣятельности и не учимъ насъ учить, а мы **будемъ учить неучей!**...

Слѣдуя системѣ Англійскихъ и Американскихъ публицистовъ: око за око, зубъ за зубъ, мы никогда и въ послѣдующихъ своихъ томахъ,— съ любовью и благодарностию выслушивая умную, знающую и честную критику, — не оставимъ безъ должнаго разсмотрѣнія шарлатанскихъ невѣжественныхъ вылазокъ противъ насъ... и будемъ заносить всѣ вылазки, какъ бы онѣ ни были мерзки и гнусны, на печатныя страницы своихъ изданій подъ особой рубрикой, совершенно необязательной для чтенія публики, какъ «Знаменіе времени» для того, что-

бы послѣдующіе изслѣдователи раскола и историки русскіе могли видѣть наглядно, при какихъ обстоятельствахъ появлялись въ Россіи наши изданія, въ которыхъ смѣло и безбоязненно, на основаніи неопровержимыхъ источниковъ, раздался первый печатный голосъ противъ 200 вѣковой тьмы религіозной... и невѣжества своекорыстныхъ предводителей темной массы русскаго народа... Не отцы, такъ дѣти этой массы, выбравшіе изъ тьмы кромѣиной, изъ за ткацкихъ станковъ бурлаковъ — миліонеровъ, скажутъ намъ въ послѣдствіи искреннее «спасибо» за нашу имъ помощь... Въ очеркѣ «Проклятый раскольничій сынокъ», мы намѣтили тотъ путь, по которому должно идти молодое поколѣніе раскольниковъ, и увѣрены, что тыны, въ сихъ очеркахъ нами очерченные, будутъ въ послѣдствіи не новость въ землѣ русской... Что же касается тѣхъ шарлатановъ и неучей, тѣхъ невѣждъ и идиотовъ, тѣхъ марателей литературныхъ, которые способны за новую пару сапогъ, подаренную раскольниками, и киселю селянку въ трактирѣ... печатать противъ насъ всякую мерзость и рисовать карикатуры въ quasi сатирическихъ (а на самомъ дѣлѣ давно обратившихся въ «шомойныя ямы») газетахъ, то мы должны о нихъ сказать, что всякія и на будущее время омерзительныя выходки ихъ противъ насъ въ журналахъ и газетахъ, мы примемъ какъ подлую месть, увѣренныя вполнѣ, что изъ этихъ пакостей всея рты, имѣющіе развѣваться противъ насъ по подкупу или наглому невѣжеству, рты наглцовъ сплетаютъ лишь предъ будущимъ потомствомъ кнутъ на свою спину... Все эти лаятели на луну развиваютъ и будутъ лишь развивать въ публикѣ отвращеніе отъ низкихъ средствъ, употребляемыхъ для искусственнаго нападенія на своего ближняго и его незаслуженнаго униженія. Въ странахъ болѣе или менѣе свободнаго слова (къ каковымъ мы причисляемъ и Россію) можно не прибѣгать къ суду за оскорбленія печатныя (мы такъ и дѣлаемъ!), а бороться съ нападающими ихъ же оружіемъ, т. е. печатнымъ словомъ, совершенно рационально успокоившись тѣмъ, что печатныя клеветы и нападки, въ которыхъ не заключается истины не только не вредятъ лицамъ, противъ которыхъ онѣ направлены, но способны давать имъ скорѣе извѣстность и пріобрѣтать для нихъ популярности... Исторія государствъ, въ которыхъ есть свободное печатное слово, доказываетъ намъ, что каждый изъ гражданъ такого государства можетъ считать свою репутацію довольно безопасною, не смотря на то, что его враги имѣютъ полную возможность безнаказанно сплетничать и клеветать у него за спиною... Вѣковой опытъ народовъ другихъ государствъ убѣждаетъ насъ, что противъ распространенія лжи и клеветы есть одно средство—это такое развитіе общества, при которомъ ни одинъ порядочный человекъ не будетъ слушать нелѣпныхъ сплетенъ... А въ такое развитіе русскаго общества мы вѣримъ!

Мы знаемъ, что за свою дѣятельность, помимо литературныхъ, мы нажили себѣ миліоны другихъ враговъ, религіозныхъ фанатиковъ, отъ которыхъ можемъ въ своемъ положеніи опасаться преждевременной смерти, но и тутъ мы вѣримъ, что безъ соизволенія Божія и власть главы человѣческой не пропадаетъ... Пусть будетъ, что будетъ!

Авторъ.

В. В. Афанасьев

ПРИЛОЖЕНИЕ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ КНИГЪМЪ.

РАСКОЛЬНИКИ И ОСТРОЖНИКИ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

I

РУСАНОВЪ

БЪГЛЫЙ РАСКОЛЬНИЧІЙ АРХІЕРЕЙ

Въ 186* году довелось мнѣ быть въ селѣ Бѣлый-Ключъ и остановиться по дѣламъ дня на два, на три. Село расположено среди распаханыхъ полей, близъ оврага, опушеннаго лѣсомъ; нѣсколько кустовъ ряблѣ, березъ и вельвильна составляли все богатство растительной природы края. Мужики этого села были большіе краснобаи, и разсказамъ ихъ о прежней жизни не было конца... Жили они послѣ 19-го февраля 1861 года на волѣ и значительно пооправилась. Въ селѣ видѣлось много новыхъ сосновыхъ срубовъ. Всѣ обыватели глядѣли смѣлѣе, занимались торгомъ, чему способствовало положеніе села на большой дорогѣ, и носили, вмѣсто прежнихъ лаптей, сапоги, смазанные дегтемъ. Избы ихъ видимо стояли бабъ-то прамѣй, ворота плотно запирались, плетни

и заборы не вываливались паружу и не звали въ гости всякую прохожую свинью. Въ избѣ, занимаемой мною и стоявшей на краю села, было довольно чисто. На стѣнахъ красовались картины: объ освобожденіи крестьянъ, молитва православнаго народа въ 19-е февраля и т. п. Между бревнами и по косякамъ оконъ не скиталось рѣзвыхъ прусаковъ и не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Я сѣлъ въ растворенному окну за вечернимъ чаемъ и глядѣлъ на улицу. Молодой парень, собиравшійся въ ночную съ лопадъми, появился на завалинѣ съ большой бѣлой жестяной кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ, съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной чашкѣ. Онъ поставилъ все эти припасы на скамейку, прислонился къ забору и началъ уписывать, съ улыбкой поглядывая кругомъ. Мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, кудрявый и краснощекий, ѣхалъ верхомъ на водоей и съ трудомъ удерживалъ пѣгаго жеребца. Противъ моей квартиры, близъ онушки оврага, на расчищенной и разработанной полянѣ стоялъ одиноко этапъ, обнесенный желтымъ высокимъ заборомъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, выкрашенныхъ желтою краскою. У воротъ этапа инвалиды тревожно посматривали на большую дорогу и видимо кого-то ждали. День былъ лѣтній и тихій. Дневной знойный воздухъ давно замеръ, вечерній холодокъ живительно стлался по селу и нахнулъ мнѣ въ растворенное окно.

— Этапные, этапные идутъ! раздалось вдругъ на улицѣ.

И улица мгновенно наполнилась высыпавшими изъ домовъ ребятишками. Мужики, прислонившись къ заборамъ, ожидали партіи. Бабы высовывали головы въ окна и кричали на ребятишекъ. На улицѣ показалась партія ссыльныхъ и звукъ кандаловъ ихъ то-скливо раздавался въ вечернемъ рѣдкомъ воздухѣ. Сѣрые армяки зашептели предъ окнами и повертели круто къ этапу. Партіонный офицеръ, взглянувъ на мое растворенное окно и стоявшій на столѣ самоваръ, какъ-то странно улыбнулся и будто полукивнулъ головой. Я тотчасъ догадался, что онъ радъ былъ этой встрѣчѣ; и едва ворота этапа затворились, какъ я уже былъ у партіоннаго, славаго малаго, и бесѣдовалъ съ нимъ. Черезъ пять минутъ мы оба пили чай въ моей квартирѣ. Среди разговора о томъ, о семъ,

онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что у него въ партіи идетъ въ Сибирь арестантъ *раскольничій архіерей*, съ которымъ онъ не разъ говорилъ и который, по его наблюденію, замѣчательная личность.

— Можно съ нимъ говорить? спросилъ я партіоннаго.

— Отчего же нѣтъ? Онъ заинтересуетъ васъ.

— А есть ли еще замѣчательные субъекты въ вашей партіи?

— Какъ вамъ сказать? отвѣчалъ партіонный. — Есть два говорѣза, три убійцы своихъ женъ, одна дѣвушка, утопившая своего дитя, и человекъ десять поджигателей лѣсовъ. Прочіе все, кажется, мазурники — кто судился за взломъ амбаровъ, сундуковъ, это просто за конобратство.

— Вы сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе, сказалъ я офицеру этапному, — если бы позволили раскольничьему архіерею побывать у меня здѣсь, разумѣется, въ сопровожденіи надлежащаго караула.

— Сдѣлайте милость! отвѣчалъ офицеръ.

Черезъ полчаса нашей бесѣды я распрощался съ партіоннымъ, а черезъ часъ сидѣлъ въ моей квартирѣ и раскольничій архіерей, по фамиліи Русановъ. Я далъ караульнымъ на водку и предложилъ имъ расположиться на крыльцѣ, или въ сѣняхъ, какъ они найдутъ для себя удобнѣе. Солдаты, довольные подачею, расположились на крыльцѣ. Мы остались съ Русановымъ въ избѣ двое, и я предложилъ ему чаю. Русановъ распоясалъ свой сѣрый армякъ и сѣлъ къ столу. Мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать фizioномію замѣчательнѣе Русановой. Онъ былъ лѣтъ 40. Широкая борода его закрывала до половины бѣлое лице; изъ подъ сросшихся бровей смѣло глядѣли большіе глаза. Носъ, заостренный внизу, придавалъ его фizioноміи выраженіе *змышленое и бойкое*. Русановъ слегка оперся руками на столъ и сидѣлъ въ позѣ человека, далеко *не арестантской*... При малѣйшемъ его движеніи на стулѣ, ножныя кандалы издавали неприятный звукъ, и лязгъ желѣза производилъ тяжелое впечатлѣніе на душу. Русановъ вздрагивалъ при этомъ звукѣ и его какъ будто коробило. Долго у насъ разговоръ не клеился. Русановъ скрывалъ, отпѣкивался, отдѣлывался полусловами, полурѣчами и наконецъ, когда я, своимъ *участливымъ* разговоромъ, своимъ неподозрительнымъ обра-